

1000

сказок * загадок
пословиц * рассказов
песенок * потешек

Времена года

ДЛЯ САМЫХ УМНЫХ МАЛЫШЕЙ

Валентина Геннадиевна Дмитриева
1000 сказок, загадок,
пословиц, рассказов, песенок,
потешек. Времена года
Серия «Для самых умных малышей»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9528864

*1000 сказок, загадок, пословиц, рассказов, песенок, потешек. Времена года: Астрель, Сова; М., СПб.; 2010
ISBN 978-5-271-24297-7*

Аннотация

Тематическая подборка текстов для детей от 6 месяцев до 6 лет. Книга адресована родителям, воспитателям, гувернерам.

Содержание

Вступление	6
Зима	9
Стихи	9
А. Пушкин	9
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...»	9
Зимнее утро	10
А. Фет	11
«Чудная картина...»	11
«Кот поёт, глаза прищуря...»	11
«Мама! Глянь-ка из окошка...»	12
«Скрип шагов вдоль улиц белых...»	13
С. Есенин	14
Берёза	14
«Поёт зима – аукает...»	15
К. Бальмонт	16
Снежинка	16
Е. Баратынский	18
«Где сладкий шёпот...»	18
Ф. Тютчев	19
«Чародейкою Зимойю...»	19
А. Блок	20
Ветхая избушка	20
Н. Некрасов	21

Снежок	21
«– Для кого поёшь, пурга...»	21
Колыбельные	23
Загадки	25
Сказки	30
Морозко	30
Зимовье зверей	34
По щучьему веленью	37
Как лиса волку шубу шила	46
Про Королька, про Зиму, про Орла и про Королевского сына	47
Г. Х. Андерсен	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Составитель В. Дмитриева
1000 сказок, загадок,
пословиц, рассказов,
песенок, потешек.
Времена года

© В. Дмитриева, составление, 2009

© А. Кузнецова, иллюстрации, 2009

© ООО «Издательство «Сова», 2009

Вступление

Каждое время года по-своему прекрасно. Зимой можно кататься на санках, лыжах, коньках, играть в снежки и лепить снеговика. А чудесный, волшебный праздник Новый год? Сверкающая огнями ёлка, сюрпризы и подарки, яркие карнавалы, встреча с Дедом Морозом и Снегурочкой...

Приход весны мы начинаем чувствовать, как только появляется первый ласковый и тёплый солнечный лучик. Смотрим, как тает снег, как набухают на деревьях почки, а затем из них пробиваются первые нежные листочки. Природа как будто пробуждается от долгого сна. И мы с нетерпением ждём: когда же, наконец, наступит яркое, весёлое лето? Тогда можно будет купаться, загорать, ходить в лес за грибами и ягодами.

Осень не кажется таким уж весёлым временем года. Лето закончилось, то и дело льёт дождь, скоро снова наступят холода... Грустить не надо! Осень тоже дарит нам много чудесных дней. Разве не приятно собирать опавшие разноцветные листья и составлять из них красивые, яркие букеты? А когда за окном идёт дождь, можно уютно устроиться и читать сказки. Или их сочинять. А. Пушкин, например, любил осень больше других времён года. Для него осень была настоящим источником вдохновения, творческих открытий.

Многие сотни лет люди сочиняли песни и стихи, расска-

зы и сказки, в которых описывали разные времена года. Это были и неграмотные крестьяне, и знатные люди, настоящие писатели и поэты.

Каждая пора замечательна по-своему. Но больше всего придумано сказок о зиме, о том, что происходит в холодном заснеженном лесу или в тёплом доме с заиндепевшим окошком. Возможно, это связано с тем волшебным, сказочным настроением, которое приходит к людям в новогодние и рождественские дни. Или потому, что когда-то зима считалась у крестьян временем отдыха: старый урожай уже собран, а новые посадки ещё делать рано. Почему бы не посидеть в тесном кругу родных и друзей и не посочинять сказки? А раз уж за окошком идёт снег и свирепствует стужа, то и сказка получается «зимней». Кроме того зима приносит множество испытаний, в которых проявляются самые разные качества сказочных героев. Сразу становится ясно, кто добрый, а кто злой, кто трудолюбивый, а кто лентяй и лежебока.

Стихов, загадок, песенок, закличек, сказок о зиме и лете, о весне и осени придумано множество. Их любят и взрослые, и дети, потому что с ними становится весело и тепло даже в самое холодное время года.

Зима

Стихи

А. Пушкин

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...»

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно.

(Отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

А. Фет

«Чудная картина...»

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

«Кот поёт, глаза прищуря...»

Кот поёт, глаза прищуря;
Мальчик дремлет на ковре.

На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться, —
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал, а кот глазами
Проводил и все поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

«Мама! Глянь-ка из окошка...»

Мама! Глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий,
По ветвям развешен иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

«Скрип шагов вдоль улиц белых...»

Скрип шагов вдоль улиц белых,

Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

С. Есенин

Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

«Поёт зима – аукает...»

Поёт зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,

И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная,
Красавица весна.

К. Бальмонт

Снежинка

Светло-пушистая
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взметается,
На нём, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Е. Баратынский

«Где сладкий шёпот...»

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Ф. Тютчев

«Чародейкою Зимою...»

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

А. Блок

Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.
Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...
Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...
В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, —
По домам пора!
Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна —
Ан уж дом растаял,
На дворе – весна!

Н. Некрасов

Снежок

Снежок порхает, кружится,
На улице бело.
И превратились лужицы
В холодное стекло.

Где летом пели зяблики,
Сегодня – посмотри! —
Как розовые яблоки,
На ветках снегири.

Снежок изрезан лыжами,
Как мел, скрипуч и сух,
И ловит кошка рыжая
Весёлых белых мух.

«– Для кого поёшь, пурга...»

- Для кого поёшь, пурга,
В серебристые рога?
- Для малюток-медвежат,

Что в берлоге крепко спят.

Колыбельные

Баю-баю-баиньки,
Купим сыну валенки,
Наденем на ноженьки,
Пустим по дороженьке.
Будет наш сынок ходить,
Новы валенки носить!
Ай люлень да люлень,
На дворе пригожий день!
Вот к портному мы пойдём,
Вове шубку сошьём.
Из остаточков
Сошьём шапочку.
Из обрезочков
Сошьём кепочку.
Будет Вовочка ходить,
Будет шубоньку носить,
Будет дровки пилить,
Будет дровки колоть,
Будет в печку носить,
Будет печку топить!

Загадки

Запорошила дорожки,
Разукрасила окошки,
Радость детям подарила
И на санках прокатила.

(Зима)

На дворе горой, а в избе водой.

(Лёд)

Пухом землю замело —
За окном белым-бело.
Эти белые пушинки
Не годятся для перинки.

(Снег)

Осенью рождаюсь, весной умираю,
Зимой землю согреваю.

(Снег)

Одеяло белое
Не руками сделано —
Не ткалось и не кроилось,
С неба на землю свалилось.

(Снег)

Что за звёздочка такая
На жакете, на платке,
Вся сквозная, вырезная,
А сожмёшь – вода в руке?

(Снежинка)

Старик у ворот
Тепло уволок,
Сам не бежит,
А стоять не велит.

(Мороз)

Он слетает белой стаей

И сверкает на лету.
Он звездой прохладной тает
На ладони и во рту.

(Снег)

Растёт она вниз головою,
Не летом растёт, а зимою.
Но солнце её припечёт —
Заплачет она и умрёт.

(Сосулька)

На дворе горой, а в избе водой.

(Лёд)

Покружилась звёздочка
В воздухе немножко,
Села и растаяла
На моей ладошке.

(Снежинка)

Бел как мел,
С неба прилетел.
Зиму пролежал —
В землю убежал.

(Снег)

Без досок, без топоров
Через реку мост готов.
Мост как синее стекло:
Скользко, весело, светло.

(Лёд)

Белая морковка
Вниз головой растёт.

(Сосулька)

Рыбам жить зимой тепло:
Крыша – толстое стекло.

(Лёд)

Кто только зимой растёт?

(Сугроб)

Лежал, лежал,
А весной в реку убежал.

(Снег)

Какой это мастер на стены нанёс
И листья, и травы, и заросли роз?

(Мороз)

Белый, а не сахар,
Мягкий, а не вата,
Без ног, а идёт.

(Снег)

Сказки

Морозко

Живало-бывало, жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься – бита и недовернёшься – бита. А родная дочь что ни сделает – за всё глядят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – ещё до свету... Ничем старухе не угодишь – всё не так, всё худо. Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

– Вези, вези её, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

– Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами. А мачеха по ней уже поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

– Ступай, старик, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места – под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около – короб с богатыми подарками. Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой. А дома старуха печёт блинцы, а собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

– Не так твякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, собачка – всё своё... Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула – и руки врозь...

– Запрягай, старик, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал. Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать.

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки-ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

– Запрягай скорее, старик, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

– Не так тьявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате, серебре везут...»

А собачка – всё своё:

– Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая. Заголосила старуха, да поздно.

(В обработке А. Толстого)

Зимовье зверей

Идёт из деревни бык, а навстречу ему – баран. «Куда идёшь?» – спрашивает барана бык. «Иду искать лето», – отвечает тот. «Пошли вместе», – говорит бык.

И пошли они вместе. Идут вдвоём, а навстречу им – свинья. «Куда идёте, братцы?» – спрашивает их свинья. «Идём от зимы к лету», – отвечают те. «И я с вами пойду», – просится свинья.

И пошли они дальше. Идут, а навстречу им – гусь. «Куда, гусь, идёшь?» – спрашивают они. «От зимы к лету», – отве-

чает гусь. «Пойдём вместе», – говорит бык.

И пошли они вчетвером. Шли, шли и встретили петуха. «Куда, петух, идёшь?» – спрашивает гусь: «От зимы иду к лету», – отвечает петух. «Пошли вместе», – позвал бык.

Идут они и разговаривают между собой: «Приходит зима, наступают морозы: куда деваться?» Бык и говорит: «Надо хату ставить!» А баран говорит: «У меня хорошая шуба, видишь, какая шерсть, я и так зиму перезимую!» А свинья говорит: «Я глубоко в землю зарываюсь; заруюсь в землю и так зиму перезимую!» А гусь с петухом говорят: «У нас по два крыла: взлетим на ель, одним крылом постелемся, другом накроемся и так зиму перезимуем».

И разошлись кто куда. Бык остался один и начал ставить хату. Ставил, ставил и поставил. Настала суровая зима: лютые морозы, снегопады и метели. Приходит баран к хате быка и говорит: «Пусти, брат, согреться!» Бык отвечает: «У тебя хорошая шуба, видишь, какая шерсть, ты и так зиму перезимуешь!» Баран говорит: «Ежели непустишь согреться, я разгонюсь и рогами дверь твою в щепки разобью, и тебе будет холодно!» Бык думает: «Что делать? Ведь он меня заморозит». И пустил бык барана в свою хату, и стали они жить вдвоём.

Приходит свинья: «Пусти, братец...» Бык и говорит: «Ты глубоко в землю зарываешься; заройся в землю и так зиму перезимуешь!» Свинья говорит: «Ежели непустишь, я вырою весь фундамент твоей хаты, и тебе будет холодно!» Бык

думает: «Что делать? Ведь она же меня заморозит!» Пустил и свинью. Стали жить втроём.

Приходят и гусь с петухом: «Пусти, братец...» Бык говорит: «У вас ведь по два крыла; взлетите на ель, одним крылом постелитесь, другим накроетесь и так зиму перезимуете!» Тогда гусь и говорит: «Ежели не пустишь, я из стен своим клювом выдергаю мох, и тебе будет холодно!» А петух кричит: «Ежели не пустишь, я влезу на потолок и с потолка своими когтями сгребу землю, и тебе будет холодно!» Подумал, подумал бык и пустил их в хату.

Петух согрелся и начал песни напевать. Бежала лиса по лесу и услышала. Подбежала к окну, смотрит в окно и видит, что у быка есть петух, гусь, свинья и баран. Побежала лиса к волку и медведю; прибежала и говорит: «Знаешь что, куманёк, и ты, дядя Михаил Потапыч? Идёмте к быку! У быка есть петух, гусь, свинья и баран. Я схвачу гуся и петуха, а вы – свинью и барана».

И пошли. Подходят к дверям, лиса говорит: «А ну-ка, Михаил Потапыч, отворяй дверь!» Медведь открыл дверь, и лиса вскочила в хату. А бык как прижмёт её рогами к стене, а баран давай рогами по бокам осаживать! И до тех пор осаживал, пока из её дух вон. Потом вскочил в хату волк. Бык волка тоже прижал к стене, а баран рогами его до тех пор тёр, пока душа не выкатилась колесом. Медведь тоже было бросился в хату, но они так принялись за него, что он чуть жив выбрался...

А бык с друзьями и до сих пор живут в своей хате. Живут, поживают и добра наживают.

По щучьему веленью

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий – дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

– Сходи, Емеля, за водой!

А он им с печки:

– Неохота...

– Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут!

– Ну ладно!

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку. Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

– Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

– Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

– На что ты мне годишься? Нет, понесу тебя домой,

велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

– Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

– Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

– Емеля, Емеля, скажи – чего ты сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

– Запомни мои слова: когда что тебе захочется – скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью»

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал – вёдра сами и пошли в гору.

Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается...

Зашли вёдра в избу и сами встали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени – невестки говорят ему:

– Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

– Неохота...

– Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему велению, по моему хотению – поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять го-

ворят:

– Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби!

А он им с печки:

– Да вы-то на что?

– Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

– Мне неохота...

– Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

– Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

– Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

– Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, сани, в лес...

Сани сами поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки са-

ми в сани валяются и верёвкой вьжуются. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу под-
нять. Сел на воз:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

– Ты – дурак Емеля?

А он с печки:

– А тебе на что?

– Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

– А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – дубинка, об-

ломай ему бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилиу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

– Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

– Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, тогда он всё сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

– Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

– Мне и тут тепло...

– Емеля, Емеля, у царя будут хорошо кормить-поить – пожалуйста, поедем.

– А мне неохота...

– Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

– Ну ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

– По щучьему велению, по моему хотению – ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

– Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

– А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

– Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

– А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь Марья-царевна.

Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

– Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж.

Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

– Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать. Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю. Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В её посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли – проснулся Емеля; видит – темно, тесно:

– Где же это я?

А ему отвечают:

– Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

– А ты кто?

– Я – Марья-царевна.

Емеля говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

– Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

– А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – выстройся

каменный дворец с золотой крышей. . .

Только он сказал – появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом – зелёный сад: цветы цветут, и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

– Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

– По щучьему велению, по моему хотению – стать мне добрым молодцем, писаным красавцем. . .

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит – стоит дворец, где раньше ничего не было.

– Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?» Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

– Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

– Кто же ты такой, добрый молодец?

– А помнишь дурачка Емелю – как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я – тот самый Емеля. Захочу – всё твоё царство

пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощения просить:

– Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец.

(В обработке А. Н. Толстого)

Как лиса волку шубу шила

Идёт волк по лесу. Видит, дятел долбит дерево; он ему и говорит: «Вот ты, дятел, всё долбишь и долбишь, работаешь, работаешь, а хатки за свой век построить не можешь!» А дятел волку и говорит: «А ты, волк, всё режешь и режешь скот, а кожуха за свой век не сошьёшь!» Подумал волк, что дятел правильно ему говорит, приходит к лисе: «Лиса, сшей мне шубу. А я тебе принесу овечек!»

Согласилась лиса. Вот волк приносит лисе овец: одну, другую, третью, а шубы всё нет. А лиса мясо съест, шерсть же на базаре продаст. Наконец волк и спрашивает: «Когда же, лиса, шуба готова будет?» А лиса говорит: «Сегодня к вечеру шуба готова будет, надо только на обводы шерсти. Пойди к людскому огороду, там лошадь стоит. Ты зарежь её и принеси хвост и гриву на обводы!»

Пошёл волк и видит лошадь. Подкрался к ней сзади и

только хотел вцепиться в неё зубами, она как ударит его копытами – и убила насмерть...

И сейчас по снегу волчьи косточки блестят.

Про Королька, про Зиму, про Орла и про Королевского сына *(французская народная сказка)*

В давние времена, много, очень много лет назад, говорят, повздорили между собой Зима и Королёк. Не знаю толком, из-за чего.

– Я тебя проучу, пичужка! – грозилась Зима.

– Это мы ещё увидим! – отвечал Королёк.

К ночи Зима наслала трескучий мороз.

Поутру Зима, видя, что Королёк как всегда весел и молодцеват, удивилась и спросила его:

– Где ты провёл ночь?

– В прачечной, где подёнщицы стирают, – ответил Королёк.

– Ладно, сегодня я уж до тебя доберусь.

В эту ночь стало так холодно, что вода замерзала в очаге.

Но Королёк был совсем не там, где всё замерзало, и на другое утро Зима, видя, что он по-прежнему бодр и весел, спросила его:

– Где ты провёл ночь?

– В хлеву, с волами, – ответил Королёк.

В следующую ночь настал такой лютый холод, такая небывалая стужа, что у волов хвосты примёрзли к заду, а Королёк утром всё же порхал и чирикал, словно на дворе был май.

– Как, ты ещё не помер? – спросила Зима, дивясь тому, что Королёк опять тут как тут. – Где же ты провёл ночь?

– У молодожёнов, в их постели.

– Вот где нашёл себе местечко! Кто бы догадался там его искать? Ну да ничего, за мной не пропадёт. Сегодня ночью я тебя доконаю.

– Это мы ещё увидим! – ответил Королёк.

В ту ночь Зима наслала такой мороз, стало так холодно, так холодно, что на другое утро молодожёнов нашли на-

смерть закоченевшими в постели.

Королёк приютился во впадине стены, возле жаркой печи булочника, где холод не мог его пронять. Но там он встретился с мышью, тоже искавшей местечка потеплее, и они не на шутку поссорились. Так как они не могли между собою поладить, то решено было покончить дело, назначив через неделю на горе Бре великий бой между всеми пернатыми и всеми четвероногими того края.

Все звери были оповещены, и в условленный день птицы всей округи с утра собрались на горе Бре. Длинной вереницей тянулись туда обитатели птичьих дворов – утки, гуси, индюки, павлины, петухи и куры – и всякие иные птицы: сороки, вороны, сойки, дрозды; там же сошлись лошади, ослы, волы, коровы, бараны, козы, собаки, кошки, крысы и мыши, – никто не мог помешать им в этом. Бой выдался жестокий; шёл он с переменным успехом. Перья так и летали в воздухе, а земля была усеяна клочьями шерсти, со всех сторон неслись крики, мычанье, ржанье, хрюканье, бляенье, мяуканье. Вот страшно было!

Уже казалось, что победа останется за четвероногими, как вдруг прилетел Орёл, сильно запоздавший; он бросился в самую гущу схватки. Куда бы он ни ударил, он всех разил на смерть, и вскоре перевес оказался на стороне пернатых.

Королевский сын следил за сражением из окна своего дворца. Видя, как Орёл расправляется с четвероногими, он улучил минуту, когда тот поравнялся с окном, и ударил его

саблей так сильно, что у Орла сломалось крыло, и он упал на-земь. Благодаря этому победу всё-таки одержали четвероногие. Однако Королёк, сражавшийся как герой, пропел свою пёсню на колокольне святого Эрве, которая по сей день ещё высится на горе Бре.

А раненый Орёл не мог больше летать и сказал Королевскому сыну:

– Теперь тебе придётся в продолжение девяти месяцев кормить меня куропатками и зайцами.

– Я согласен, – сказал Принц.

По прошествии девяти месяцев Орёл, совершенно исцелившись, сказал Королевскому сыну:

– Теперь я полечу к своей матушке; я желаю, чтобы ты отправился со мной поглядеть на мой замок.

– Охотно, – сказал Принц, – но как я туда попаду? Ведь ты летаешь по воздуху, а я ни пешком, ни верхом не могу за тобой угнаться.

– Садись ко мне на спину.

Принц так и сделал. Они понеслись над горами, над долами, лесами и морями.

– Здравствуйте, матушка, – сказал Орёл, прилетев домой.

– Это ты, дорогой сынок? Долго ты отсутствовал на этот раз, я уже тревожилась, что тебя всё нет.

– Я сильно хворал, милая матушка, – ответил Орёл и, указав на Принца, добавил:

– Это сын короля Нижней Бретани, он приехал повидать-

ся с вами.

– Королевский сын! – вскричала старая Орлица. – Вот лакомый кусочек; мы попируем на славу!

– Нет, матушка, не делайте ему зла; он хорошо со мной обходился в течение тех девяти месяцев, что я прохворал у него; я пригласил его погостить у нас, в нашем замке, – надо его получше принять.

У Орла была красавица сестра, и Принц влюбился в неё с первого же взгляда. Орёл и его мать очень были этим недовольны.

Прошёл месяц, затем второй, третий; миновало шесть месяцев, а Принц и речи не заводил о том, чтобы вернуться домой. Старухе это совсем не нравилось, и, наконец, она сказала сыну, что если его друг не уберётся восвояси, то она изжарит его на обед и подаст под каким-нибудь вкусным соусом.

Услыхав, что задумала мать, Орёл предложил Принцу сыграть с ним в кегли с условием: если Принц проиграет, он теряет жизнь, если выиграет – сестра Орла станет его женой.

– Я согласен, – сказал Принц. – Где кегли?

Они вошли в широкую, длинную аллею старых дубов, где стояли кегли.

Когда Принц их увидел, у него сердце замерло. Кегли эти были чугунные, каждая из них весила пятьсот фунтов. Орёл взял одну из них и давай ею забавляться: он играючи подбрасывал её высоко-высоко, а затем ловил, словно яблоко. А бедный Принц свою кеглю даже сдвинуть с места не мог.

– Ты проиграл, теперь я хозяин твоей жизни, – сказал Орёл.

– А я отыграюсь, – сказал ему на это Принц.

– Так и быть, завтра сыграем ещё партию.

Принц пошёл к сестре Орла и со слезами на глазах рассказал ей обо всем.

– Вы обещаете хранить мне верность? – спросила она его.

– Да, до самой смерти, – ответил Принц.

– Тогда вот что надо сделать: есть у меня два больших бычьих пузыря, я выкрашу их в чёрный цвет, чтобы они стали похожи на кегли, и поставлю их между кеглями брата, в той аллее; завтра, когда вы туда явитесь, постарайтесь первым начать игру и выберите себе два пузыря.

Затем вы им скажете: «Косули, подымитесь повыше и скорее летите в Египет – вот уже семь лет, как вы здесь, и ни разу не отведали железа»; они тотчас взлетят в поднебесье, да так высоко, так высоко, что их и не видно будет. Мой брат вообразит, что это вы их так ловко подбросили; ему самому никак не удастся бросить свои кегли так же высоко, и он должен будет признать себя побеждённым.

И вот они снова пошли в аллею, где стояли кегли. Принц взял свои две кегли, вернее сказать – два бычьих пузыря, и принялся ими забавляться, подбрасывая их в воздух с такой лёгкостью, словно в руках у него были два мяча, набитых отрубями; а его противник дивился, глядя на него.

«Что бы это значило?» – с тревогой спрашивал себя Орёл.

Сам он первый подбросил свои кегли, да так высоко, что прошло добрых четверть часа, прежде чем они снова упали наземь.

– Ловко! – сказал Принц. – Теперь моя очередь.

Вслед за тем он тихонько прошептал слова:

– Косуля, лети на родину, в Египет, – вот уже семь лет, как ты здесь, и ни разу не отведала железа.

Тотчас же кегля поднялась в поднебесье, да так высоко, так высоко, что скоро её не стало видно; и сколько они оба ни ждали, она не упала наземь.

– Я выиграл! – сказал Принц.

– Значит, каждый из нас выиграл по одной партии; завтра мы сыграем в другую игру, – сказал орёл.

Он в слезах вернулся домой и поведал своё горе старой Орлице. Та сказала:

– Надо его зарезать и съесть, к чему ещё мешкать?

– Но ведь я его ещё не одолел, матушка; завтра мы сыграем в другую игру, посмотрим, как он выпутается.

– Пока что принесите мне воды из родника, во всём доме ни капли нет.

– Ладно, матушка, завтра утром мы с Принцем пойдём за водой, и я предложу ему потягаться, кто больше притащит за один раз в бочке.

Орёл тотчас отправился к Принцу и сказал ему:

– Завтра утром мы сходим за водой для моей матушки – посмотрим, кто из нас больше притащит за один раз.

– Отлично, – сказал Принц, – ты только покажи мне, в чем её надобно носить.

Орёл тотчас показал Принцу две бочки, вместимостью в пять бочонков каждая; сам он легко подымал по одной такой доверху полной бочке на ладони каждой руки – ведь он был то человеком, то орлом, по своей прихоти.

Принц обеспокоился пуще прежнего и опять пошёл к сестре Орла.

– Вы обещаете хранить мне верность? – спросила она его.

– До самой смерти, – ответил Принц.

– Так вот, завтра утром, когда брат возьмёт свою бочку, чтобы идти с ней к роднику, вы ему скажете: «Да на что нам бочки? Оставь их тут, они совсем не нужны, а лучше дай мне кирку, лопату и носилки». Брат спросит: «На что это тебе?» Вы ответите: «Чтобы снять родник с места и перенести его сюда, это ведь гораздо удобнее: можно будет брать воду, когда только вздумается». Услыхав это, он пойдёт за водой один – ведь ни он, ни матушка не захотят испортить прекрасный свой родник.

Утром следующего дня Орёл сказал Принцу:

– Пойдём за водой для моей матушки.

– Пойдём! – ответил Принц.

– Вот моя бочка, а ты возьми вон те, – продолжал Орёл, указывая на две огромные бочки.

– Бочки? На что они нам? Чтобы терять время понапрасну?

– А как же иначе нам наносить воды?

– Дай мне просто-напросто кирку, лопату и носилки.

– Зачем они тебе?

– Как зачем? Остолоп! Да затем, чтобы перенести родник сюда, к самой двери кухни, тогда не придётся ходить за водой в такую даль.

«Ну и силач!» – подумал Орёл, а вслух он сказал:

– Вот что, оставайся здесь, а я уж один, схожу за водой для матушки.

Так он и сделал.

Когда на другой день старуха опять стала говорить Орлу, что самый верный способ избавиться от Принца – это зарезать его, изжарить на вертеле и съесть, Орёл ответил, что с ним хорошо обходились у Принца и он не хочет выказывать неблагодарность, но что он подвергнет Принца другим испытаниям, из которых тому трудно будет выйти с честью.

И действительно, Орёл объявил Принцу:

– Сегодня я управился один, а завтра уж настанет твоя очередь.

– А какая завтра будет работа? – спросил Принц.

– Матушке моей нужны дрова, ей нечем топить кухню. Нужно будет срубить аллею старых дубов – вон там – и сложить их здесь, во дворе, чтобы у неё был запас дров на зиму; всё это должно быть сделано до захода солнца.

– Ладно, сделаю, – сказал Принц, притворяясь беззаботным, хотя на самом деле сильно обеспокоился.

Он и в этот раз пошёл к сестре Орла.

– Вы обещаете хранить мне верность? – опять спросила она его.

– До самой смерти, – ответил Принц.

– Так вот, завтра, когда вы с деревянным топором, который вам дадут, придёте в лес, снимите камзол, положите его на старый дубовый пень, что лежит там с вывороченными корнями, затем ударьте этим деревянным топором по стволу ближнего дерева, и вы увидите, что произойдёт.

Принц так и сделал: чуть свет пошёл в лес с деревянным топором на плече, снял камзол, положил его на тот старый, с вывороченными корнями дубовый пень, который был ему указан, затем деревянным своим топором ударил по стволу ближнего дерева, и оно тотчас затрещало и рухнуло.

«Ладно, – сказал себе Принц, – если это такое немудрое дело, я мигом с ним справлюсь».

Он тотчас хватил топором второе дерево, потом третье, – оба они с первого же удара повалились наземь, и так дело шло дальше, пока во всей аллее не осталось ни одного несрубленного дуба.

После этого Принц не спеша вернулся в замок.

– Как, ты уже всё сделал? – спросил его Орёл.

– Всё! – ответил Принц.

Орёл мигом побежал в свою аллею; увидя, что все его прекрасные дубы повалены наземь, он заплакал и пошёл к матери.

– Бедная моя матушка, я побеждён. Все мои прекрасные деревья срублены! Я не в силах одолеть этого дьявола, ему, наверно, помогает какой-нибудь могучий волшебник.

В то время как он жаловался матери, вошёл Принц и сказал ему:

– Я трижды тебя одолел, теперь ты должен отдать мне свою сестру!

– Увы, это так, – молвил Орёл. – Забирай её и уходи поскорее.

Вот как случилось, что Принц увёл с собой сестру Орла. Но она пока что не соглашалась выйти за него замуж и не хотела даже сопровождать его во владения его отца. Она сказала ему:

– Теперь нам придётся некоторое время пробыть в разлуке, потому что мы ещё не можем пожениться. Но будьте верны мне, что бы ни случилось, и, когда придёт время, мы встретимся вновь. Вот вам половинка моего кольца и половинка моего носового платка: берегите их – они помогут вам в будущем узнать меня, если в том будет нужда.

Принц сильно опечалился. Он взял половинку кольца и половинку носового платка и один вернулся в отцовский замок, где все от души рады были его возвращению после такого долгого отсутствия.

Сестра Орла нанялась в услужение к ювелиру, проживавшему в том городе и работавшему для королевского двора.

Спустя недолгое время Принц совершенно забыл свою

невесту: он влюбился в одну принцессу, прибывшую ко двору его отца из соседнего королевства. Вскоре назначен был день свадьбы; стали готовить великое пиршество и созывать многочисленных гостей. Ювелира, которому были заказаны обручальные кольца и всякие иные украшения, тоже пригласили, вместе с его женой и даже с её прислужницей, которая славилась своей красотой и благородной осанкой.

Прислужница попросила своего хозяина отлить ей из чистого золота маленького петушка и такую же курочку и, отправляясь на свадебный пир, положила их в карман. За столом её посадили как раз напротив новобрачных. Она положила на стол рядом с собой половинку кольца, вторая половинка которого была у Принца.

Увидев эту половинку, новобрачная сказала мужу:

– У меня точь-в-точь такая.

Оказывается, Принц подарил ей свою. Тотчас обе половинки были приложены одна к другой; они сошлись, и кольцо снова сомкнулось.

То же произошло и с обеими половинками носового платка. Все присутствовавшие выражали изумление. Один только Принц оставался спокойным и, казалось, ни о чём не догадывался. Тогда сестра Орла поставила на стол перед собой сработанных из золота петушка и курочку, а затем положила на свою тарелку горошину. Петушок вмиг её проглотил.

– Опять ты, обжора, съел горошину, – сказала ему курочка.

– Молчи, – ответил петушок, – следующую я дам тебе!

– Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда шёл играть в кегли с Орлом, моим братом.

Принц насторожился. Сестра орла бросила на свою тарелку вторую горошину; петушок и на этот раз склевал её.

– Опять ты, обжора, съел горошину! – снова сказала курочка.

– Молчи, – ответил петушок, – следующую я отдам тебе.

– Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда брат мой Орёл велел ему пойти с ним вместе к роднику за водой.

Все присутствовавшие были крайне удивлены и терялись в догадках. Тем временем сестра Орла кинула на свою тарелку третью горошину, которую петушок мигом проглотил, как и те две.

– Опять ты съел горошину, обжора! – в третий раз сказала курочка.

– Молчи, милая моя курочка, следующую я уж непременно отдам тебе.

– Как бы не так! Королевский сын тоже обещал, что будет верен мне до самой смерти, когда брат мой Орёл послал его вырубить деревянным топором длинную аллею старых дубов.

Теперь Принцу всё стало ясно. Он встал и, обернувшись к своему тестю, сказал ему так:

– Дорогой тесть, мне надобно спросить у вас совета. У меня был прекрасный золотой ларец, заключавший в себе бесценное сокровище. Я его лишился и раздобыл другой. Но случилось так, что я снова нашёл первый ларец, и теперь у меня их два. Какой из них мне надлежит оставить у себя: первый или второй?

– Преимущество всегда должно быть отдано более давнему, – ответил старец.

– Я тоже так думаю, – сказал принц. – Так вот, до вашей дочери я любил другую девушку и обещал ей, что возьму её в жены. Вот она!

С этими словами он подошёл к служанке ювелира – а это ведь была сестра Орла! – и, к изумлению всех присутствующих, взял её за руку.

Другая невеста и её отец и мать, вместе с родственниками и гостями, удалились, сильно раздосадованные.

Несмотря на это, пиры, игры и забавы продолжались, так что свадьба Принца и сестры Орла была отпразднована с должным великолепием.

Г. Х. Андерсен **Ёлка** *(новогодняя сказка)*

Стояла в лесу этакая славненькая ёлочка; место у неё было хорошее: и солнышко её пригревало, и воздуха было вдо-

сталь, а вокруг росли товарищи постарше, ель да сосна. Только не терпелось ёлочке самой стать взрослой: не думала она ни о тёплом солнышке, ни о свежем воздухе; не замечала и говорливых деревенских детишек, когда они приходили в лес собирать землянику или малину. Наберут полную кружку, а то нанижут ягоды на соломины, подсядут к ёлочке и скажут:

– Какая славная ёлочка!

А ей хоть бы и вовсе не слушать таких речей.

Через год подросла ёлочка на один побег, через год вытянулась ещё немножко; так, по числу побегов, всегда можно узнать, сколько лет росла ёлка.

– Ах, быть бы мне такой же большой, как другие! – вздыхала ёлка. – Уж как бы широко раскинулась я ветвями да выглянула макушкой на вольный свет! Птицы вили бы гнёзда у меня в ветвях, а, как подует ветер, я кивала бы с достоинством, не хуже других!

И не были ей в радость ни солнце, ни птицы, ни алые облака, утром и вечером проплывавшие над нею.

Когда стояла Зима и снег лежал вокруг искрящейся белой пеленой, частенько являлся вприпрыжку заяц и перескакивал прямо через ёлочку – такая обида! Но прошло две Зимы, и на третью ёлка так подросла, что зайцу уже приходилось обегать её кругом. «Ах! Вырасти, вырасти, стать большой и старой – лучше этого нет ничего на свете!» – думала ёлка.

По осени в лес приходили дровосеки и валили сколько-то

самых больших деревьев. Так случалось каждый год, и ёлка, теперь уже совсем взрослая, всякий раз трепетала – с таким стоном и звоном падали наземь большие прекрасные деревья. С них срубали ветви, и они были такие голые, длинные, узкие – просто не узнать. Но потом их укладывали на повозки, и лошади увозили их прочь из лесу. Куда? Что их ждало?

Весной, когда прилетели ласточки и аисты, ёлка спросила у них:

– Вы не знаете, куда их увезли? Они вам не попадались?

Ласточки не знали, но аист призадумался, кивнул головой и сказал:

– Пожалуй, что знаю. Когда я летел из Египта, мне встретилось много новых кораблей с великолепными мачтами. По-моему, это они и были, от них пахло елью. Я с ними много раз здоровался, и голову они держали высоко, очень высоко.

– Ах, если б и я была взрослой и могла поплыть через море! А какое оно из себя, это море? На что оно похоже?

– Ну, это долго рассказывать, – ответил аист и улетел.

– Радуйся своей молодости! – говорили солнечные лучи. – Радуйся своему здоровому росту, юной жизни, которая играет в тебе!

И ветер ласкал ёлку, и роса проливалась над ней слёзы, но она этого не понимала.

Как подходило Рождество, рубили в лесу совсем юные ёлки, иные из них были даже моложе и ниже ростом, чем наша,

которая не знала покоя и все рвалась из лесу. Эти деревца, а они, кстати сказать, были самые красивые, всегда сохраняли свои ветки, их сразу укладывали на повозки, и лошади увозили их из лесу.

– Куда они? – спрашивала ёлка. – Они ведь не больше меня, а одна так и вовсе меньше. Почему они сохранили все свои ветки? Куда они едут?

– Мы знаем! Мы знаем! – чирикали воробьи. – Мы бывали в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда они едут! Их ждёт такой блеск и слава, что и не придумаешь! Мы заглядывали в окна, мы видели! Их сажают посреди тёплой комнаты и украшают замечательными вещами – золочёными яблоками, медовыми пряниками, игрушками и сотнями свечей!

– А потом? – спрашивала ёлка, трепеща ветвями. – А потом? Потом что?

– Больше мы ничего не видали! Это было бесподобно!

– А может, и мне суждено пойти этим сияющим путём! – ликовала ёлка. – Это ещё лучше, чем плавать по морю. Ах, как я томлюсь! Хоть бы поскорей опять рождество! Теперь и я такая же большая и рослая, как те, которых увезли в прошлом году. Ах, только бы мне попасть на повозку! Только бы попасть в тёплую комнату, со всей этой славой и великолепием! А потом?.. Ну а потом будет что-то ещё лучше, ещё прекраснее, а то к чему же ещё так наряжать меня? Уж конечно, потом будет что-то ещё более величественное, ещё более великолепное! Но что? Ах, как я тоскую, как томлюсь!

Сама не знаю, что со мной делается!

– Радуйся мне! – говорили воздух и солнечный свет. – Радуйся своей юной свежести здесь, на приволье!

Но она ни капельки не радовалась; она росла и росла, зиму и лето стояла она зелёная; тёмно-зелёная стояла она, и все, кто ни видел её, говорили: «Какая славная ёлка!» – и под рождество срубили её первую. Глубоко, в самое нутро её вошел топор, ёлка со вздохом пала наземь, и было ей больно, было дурно, и не могла она думать ни о каком счастье, и тоска была разлучаться с родиной, с клочком земли, на котором она выросла: знала она, что никогда больше не видать ей своих милых старых товарищей, кустиков и цветов, росших вокруг, а может, даже и птиц. Отъезд был совсем невесёлым.

Очнулась она, лишь когда её сгрузили во дворе вместе с остальными и чей-то голос сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.